

*Экономика,
управление и финансы
в социальной сфере*

Сборник научных трудов

Брянск 2004

РАЗДЕЛ I

Теоретические основы «социальной экономики»

О.С. Сухарев, д.э.н., проф.

Тенденции развития мировой экономики, проблемы России и аналитические возможности институциональной теории (социальный контекст проблемы)

Высокий темп изменений во второй половине XX века выдвинул на повестку дня проблему эффективного экономического устройства и соответствующей ему экономической политики. Хозяйственная трансформация в постсоциалистических странах только обострила эту проблему, поскольку, во-первых, до начала 90-х гг. никому не удавалось преобразовать централизованную экономику в экономику рынков, построенную на системе политической демократии в западном понимании, а во-вторых, произошла абсолютизация западных жизненных стандартов и ценностей, которые в действительности слишком далеки от того, чтобы их возводить на высшую ступень общественного пьедестала. В современном мире никто не может объявить одну систему ценностей превосходящей другую, поскольку не могут быть представлены убедительные доказательства такого превосходства.

Сегодня можно указать несколько социально-психологических тенденций, которые формируют направление вектора развития мировой и российской экономики, а также создают линии тектонических «разломов» в современном мире:

1. Бурное развитие электронной культуры, так называемой новой информационной экономики: а) стирающей национально-культурные различия, порождающей защитные реакции в виде сепаратизма, национализма, терроризма; б) обеспечивающей высокие темпы экономического роста (в США «новая экономика» к 1997 году позволила увеличить рост производительности с 1,5 до 3% в год, ВВП – с 2,5 до 4%); в) приводящей к «веку толп», когда отдельные индивиды рассеяны по информационному пространству, каждый из них находится перед экраном телевизора или дисплеем компьютера и не нуждается больше ни в ком и ни в чём – ему поставляется аналитическая информация, он в курсе всех дел, которые вызывают у него интерес, всё остальное за пределами его личного созерцания. Электронная культура заставила изменить точку зрения даже такого адепта либеральной экономики и «шоковой терапии», как Дж. Сакс, который заявил, что без государственного регулирования и промышленной политики управлять информационной экономикой просто невозможно⁴.

2. Рост информационного потенциала ликвидирует имевшую место разницу в интеллектуальном развитии индивидов. Сейчас, в среднем, разница в интеллекте между индивидами составляет не более 1,5-2 раз, в то время как разница в доходах достигает 10-15 раз, а при сравнении некоторых групп населения 20, 40 и даже 100 раз. Именно это несоответствие разницы в интеллекту-

⁴ Сухарев О.С. Экономическая эволюция и институты. Инноваторы, консерваторы и экономическая политика. – Брянск: Изд-во БГУ, 2003. – 217 с.

альных способностях и доходах будет определять всю гамму социальных противоречий в XXI веке.

3. Скоростные изменения, охватившие мир, вызывают у индивидов болезненные ощущения коленности их бытия. В результате, индивидуальное поведение рационализируется, морально-этическая компонента ослабляет своё влияние, подражание культурным нормам, обеспечивающим более высокий жизненный стандарт (качество жизни), усиливается. Таким образом, вероятность разрушительных последствий такого индивидуального поведения для экономики увеличивается, что повышает потребность в ограничивающих социальных нормах, культуре, регулировании общественного порядка.

Эти тенденции нельзя не учитывать при проектировании или модификации социального порядка, при разработке социально-экономической политики.

О социальных порядках

Под хозяйственным порядком понимается совокупность формальных и неформальных институтов, обеспечивающих функционирование экономики с той или иной эффективностью. Институциональные системы возникают в ходе исторического развития случайно или устанавливаются правительством в режиме прерывания одного хозяйственного порядка другим, то есть могут быть итогом специальной экономической политики. Здесь мы сталкиваемся с *генетической* и *телеологической* составляющими социального порядка. Поиск и реализация экономико-политического механизма сопряжения генетического и телеологического (целенаправленного) составляет решение задачи проектирования социального порядка. Порядок собственности – это часть хозяйственного порядка, устанавливающая допустимые правила распоряжения собственностью, определяющая «право частной собственности», право государственной собственности. Существуют и другие порядки – конкурентный, политико-правовой и т.д. Совокупность всех институтов образует *социальный порядок*.

Теория социальных порядков позволяет сделать важный вывод: возможности повышения эффективности экономики ограничены структурой конкретного социального порядка, в рамках которого проводятся определённые мероприятия экономической политики. Поэтому, когда достигнут некий максимум эффективности, последующие усилия могут касаться лишь пересмотра институциональной структуры, т.е. социального порядка. Именно такая задача должна решаться в России.

Необходимость решения проблемы проектирования различных порядков очень остро ощущается в контексте глобализации и регионализации мировой экономики. Глобализация происходит под идею «вашингтонского консенсуса», базирующегося на продвижении либеральных ценностей, монетаристских методах регулирования экономики, то есть отражающего интересы финансовых групп, отстаивающих status quo. Однако против такой глобализации выступают многие общественно-политические силы. Так, к середине 90-х гг. произошёл отход от монетаристских рецептов регулирования, которые были заменены неоконсервативными подходами, институциональным планированием, в большей степени соответствующим новой экономике, базирующейся на информацион-

ных технологиях. Кроме того, во многих странах Европы избиратели проголосовали за «левые» силы. Например, в Великобритании к власти пришли лейбористы, не только принявшие самое активное участие в Мировом социалистическом конгрессе в 1998 году, где присутствовал и премьер-министр Энтони Блэр, но и организовавшие широкое обсуждение будущих проблем развития Западной цивилизации и мира в целом. Один из ведущих английских аналитиков – Лабайтер – на слушаниях в правительстве по указанному вопросу высказался в пользу необходимости поиска «третьего пути» развития, поскольку выбранная Западом дорога – это путь в тупик, из которого нет или почти нет выхода³. Прежде всего нужно говорить о социальных идеалах экономики «третьего пути». В этом плане, видимо, нельзя сказать ничего нового, кроме как назвать в качестве таких идеалов равно как и истинных целей макроэкономической политики – образование, здравоохранение, науку и культуру, социальную обеспеченность, равнодоступность к данным благам, продолжительность жизни. Это *экзистенциальные цели* и на их основе выстраиваются общественные и индивидуальные ценности, гармонизация отношений между которыми и образует направление «третьего пути».

О перспективах российской экономики

В России остаётся в силе подмена подлинных целей экономической политики мнимыми: балансирование бюджета, сдерживание инфляции – признаются главными приоритетами экономической политики, а достижению экзистенциальных целей уделяется явно пониженное внимание.

В 2000-2004 гг. в России обозначен новый виток реформирования: управленческой вертикали власти, налоговой, земельной, жилищно-коммунальной, армейской, судебной реформ и т.п. Эти реформы не дадут в обозримом будущем позитивных результатов, поскольку планируются и осуществляются в рамках всё той же философии институционального экспериментарства, пренебрегающего выяснением подлинных рамок функционирования тех или иных социальных структур.

Последние два года в России не умолкают разговоры об экономическом росте, о необходимости поддержки этого роста путём привлечения инвестиций. Сейчас модно ссылаться на рост российской экономики в 1900-1913 гг., когда прирост промышленной продукции составил 74,1%, производство пшеницы в 1908-1912 гг. выросло на 37,5%. Однако нужно помнить, что за эти 13 лет реальная заработная плата русского рабочего возросла только на 11,7%, причём основное повышение приходилось на революционные годы. Низкая заработная плата не позволяла содержать семью, обеспечивала низкий уровень жизни, примитивное образование и медицинские услуги. Низкий спрос вследствие низких доходов (бедности) был главной сдерживающей причиной развития

³ Путь в XXI век. Системные проблемы развития России // Под ред. Львова Д.С. – М.: Экономика, 1999.

⁴ Петраков Н.Я. «Русская рулетка»: эксперимент ценою 150 миллионов жизней. – М.: Экономика, 2002.

текстильной промышленности. Вот она реальная картина экономического роста – модель «роста без развития». Для современной России характерны признаки именно такого роста, который к тому же по всем параметрам является восстановительным, так как экономика пытается вернуть прежние докризисные свои позиции. Это рост в условиях изначально неэффективной экономической структуры, к сожалению, не меняющий её параметров, не действующий механизм государственного инвестирования и регулирования в полном объёме.

Цель экономической политики, сводящаяся к обеспечению экономического роста по существу тривиальна. Её можно достичь путём повышения аварийности или призыв граждан разбить друг другу оконные стёкла. Однако неудобства от этих действий перекроют все расчётные (статистические) показатели роста.

Российская экономика входит в XXI век, обладая следующими важными характеристиками:

Во-первых, в России сложилась *институционально незавершённая, неформальная экономика*. Формально она рыночная, но фактически эти рынки крайне несовершенны, обладают очень низкой эффективностью, так как многие правила или не действуют, или гипертерифицированы настолько, что превращаются в антиправила. В данном случае пригодным для решения возникающих проблем становится практически любой экономической инструментарий и при этом выходит, что научные решения существуют сами по себе, а на практике используются совершенно иные схемы и мотивации. Экономика становится дуалистичной (двуликой), точнее, экономические субъекты в силу разных причин начинают декларировать следование одной модели поведения, но в реальности применяют совершенно другую модель, причём предугадать изменения в поведении довольно трудно, поскольку разделение модели носит случайный характер.

Во-вторых, анализ экономической ситуации в России позволяет говорить о *дисфункции института оценки*, не обеспечивающего социального возвышения наиболее эффективного агента, не создающего равноправные условия в сферах образования, науки, медицины, правовой защиты, суда и т.д. Неотлаженность института оценки говорит о внутренней закрытости экономики, вне зависимости от того, насколько открыты в ней для внешних инвесторов и конкурентов её внутренние рынки. Внутренняя закрытость – это скованность экономических агентов, невозможность оценивать и принимать эффективные решения, осуществлять эффективные инвестиции. Экономика, основанная на связях, дуализме по объективным причинам имеет узкие возможности для роста.

В-третьих, не ясно – возможно ли при сложившемся *международном порядке, при существующей валютной системе*, при скоростном развитии финансовых рынков и отсутствии контроля за процедурами накопления частного капитала, осуществить дальнейшие эффективные преобразования структурно зависимого российского хозяйства?

Нужно отметить, что косметические изменения в макроэкономической политике, в частности, смена монополии в привязке к внешней валюте, не позволят преодолеть следующие тенденции:

– значительного сжатия инвестиционных возможностей экономики;

– зависимости хозяйственных воспроизводственных контуров от корпоративных интересов мировых финансовых рынков;

– эксплуатации интеллектуального, ресурсного, производственного потенциала, толкающей экономику к банкротству вследствие возрастания внешнего долга.

Необходимы макроэкономические воздействия, приводящие к коренным изменениям институциональной структуры российской экономики, стимулирующие появление инноваторов во всех областях деятельности общества и планирование выбытия консерваторов. При этом следует учитывать зависимость равний макропеременных на совершаемые воздействия от состояния институтов.

О роли экономической науки

Экономическая наука в начале XXI века оказывается в довольно сложном положении. Знание, которое она предоставляет, становится всё более *фрагментированным*, справедливым только на сравнительно небольшом историческом интервале. *Результативность* экономической науки и её *платежеспособность* возрастают. Значимость и эффективность использования экономического знания снижаются, теории *операционализируются*, порождая острую потребность в новых обобщениях, интерпретациях социальной действительности. По этим причинам состояние экономической науки оценивается как кризисное или, как минимум, утверждается наличие неразрешимых методологических проблем.

Действительно, экономическая теория не дала убедительных объяснений трансформационных процессов, охвативших постсоциалистические страны, не смогла предсказать глубокого российского кризиса и предвидеть для многих неожиданный экономический рост 1999-2001 гг.

Причина банальна – неадекватность неоклассических (ортодоксальных) моделей экономической теории, их неспособность объяснять процессы трансформации, поскольку экономической политики они придают роль экзогенного фактора.

В последние два десятилетия особенно активно развивается институционально-эволюционная теория, с которой исследователи-экономисты связывают большие надежды в преодолении методологического кризиса экономической науки. Данное направление анализа вводит ряд принципов, без которых невозможно представить существо социальных процессов, их эволюцию:

- *кредный эффект*, когда система или отдельные институты устойчиво развиваются по неэффективной траектории;
- *принцип неоднородности*, провозглашающий, что наиболее адаптивны те системы, которые состоят из неоднородных элементов, действующих по разным правилам;
- *эффект гиперселекции*, когда неконкурентоспособные фирмы вполне успешно развиваются, захватив определённую нишу рынка;
- *эффект обучения*, координация и культурной инерции;
- *принцип зависимости от прошлого развития* (path dependens);

- эффект блокировки (lock in);
- эффект институциональной регрессии (дилемма Холмса-Мориарти);
- кумулятивный эффект и принцип согласованности норм (внедряемой и существующей);

принцип неэффективной нормы – дисфункции института.

Примерами дисфункций (дисфункциональных состояний) выступают: неплатежи; бартер; коррупция; уклонение от налогов; спад инвестиций; стагнация производства; неспособность предложить действенную экономическую политику, приносящую конкретные положительные результаты.

Каждый институт нуждается в некотором денежном обеспечении, благодаря чему может исполнять заложенные в его «рабочую программу» функции, исполнение которых связано с затратами. Как только экономическая политика провоцирует создание новых институтов, но по своему характеру направлена на сокращение денежной массы в экономике и торможение скорости денежного оборота, автоматически происходит явление «схлопывания» качественных параметров этих вновь образованных институтов, поскольку монетарное обеспечение недостаточно для эффективного исполнения функций. Проблема сводится к отысканию диспропорций в монетарных диапазонах различных институциональных подсистем экономики.

Таким образом, институциональное расширение, которое в обычных условиях охватывает длительный промежуток времени, ни в какой мере не может сопровождаться рестриктивной экономической политикой. Новые институты не должны наносить ущерба монетарному обеспечению других форм экономической организации, существовавших до их введения и играющих в хозяйстве важное значение. В случае выхода за нижнюю границу монетарного диапазона возникнет дисфункция институтов с очевидными отрицательными последствиями для экономики.

Институциональные перемены: программа действий

Известный американский социолог и экономист, основатель институционально-эволюционной теории Торстейн Веблен считал, что главным фактором, обеспечивающим развитие, является конфликт между денежным сектором, финансированием промышленности и самой промышленностью, между денежной и производственной культурой, и что наиболее целесообразным в политическом смысле видится приход к власти научной интеллигенции, способной серьезно снизить глубину этого конфликта.

В России мы наблюдаем очень похожий конфликт – между финансовым и реальным секторами экономики, который, однако, становится мощнейшим фактором торможения и экономической нестабильности. Именно он послужил причиной кризиса в августе 1998 года (годом раньше – мирового финансового кризиса). Снизить остроту этого конфликта возможно только путём внедрения системы ограничений на операции с финансовым капиталом, ограничений, обеспечивающих защиту от непредсказуемых его перемещений и перенакопления.

Речь должна идти о всеобъемлющей программе институциональных перемен, преобразующих сложившийся международный порядок. При этом нужно учитывать, что международные финансовые институты, такие как МВФ, МБРР, Парижский и Лондонский клубы, а также ООН в последние десятилетия продолжали оставаться главными организаторами и проводниками политики "вашингтонского консенсуса", в их деятельности и структуре не происходило никаких существенных изменений, учитывающих интересы развивающихся стран. Поэтому пересмотр международного порядка должен начинаться с переосмысления целей, функций и задач названных организаций.

Довольно своевременно увидела свет работа крупного французского экономиста Мориса Алле под названием «Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста (эмпирическая очевидность)», в которой математически и статистически точно доказывается пагубное влияние международных глобальных институтов на хозяйственное развитие национальных систем.⁷

Точно так же, как Адам Смит в своих работах не разглядел промышленной революции, а Хайек, воспевая идеалы свободного общества и подлинного индивидуализма, сталкивая в научной дискуссии порядок и свободу, не разглядел приближения информационной революции, – представители финансовых организаций не осознали вредной роли своих неформированных структур при вхождении обществ в электронную культуру. В ближайшем будущем это составит главную тему экономических споров и станет центральным объектом принятия ответственных решений, взвешенной и продуманной экономической политики.

Подводя общий итог, сформулируем несколько выводов:

1. Экономисты не имеют однозначных ответов – какой социальный порядок наиболее эффективен.

2. Можно констатировать, что две стратегии развития мировой экономики – глобализация и регионализация в том виде как они реализуются на практике – одинаково неэффективны. Если какая-либо страна в одиночку будет следовать коммунитарному идеалу в международных отношениях, а другие подстроятся под процессы глобализации или будут осуществлять ответные действия в виде регионализации, то первое государство потерпит крупное фиаско (сработает дилемма заключённого). Чтобы не проиграть оно выберет общеразделяемую стратегию, несмотря на её меньшую эффективность. Позитивным исходом может служить только единогласное решение подавляющего большинства членов международного сообщества – отказ от глобализации и регионализации в пользу коммунитаризма. Поэтому необходимо настроиться на то, что процессы глобализации и регионализации будут углубляться, а число конфликтов возрастать, особенно по «линии разлома» столкновения цивилизаций.

3. Технологическое развитие позволяет на базе общества потребления воспроизвести общество качества жизни, которое отличается тем, что погоня за богатством и обладание им не определяют социальный статус, который форми-

⁷ Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста (эмпирическая очевидность). – М.: Весь мир, 2004.

руется по принадлежности индивида к некоторому социальному стандарту жизни.

4. Экономическая наука находится в состоянии методологического кризиса, преодолеть который можно, если современная экономическая наука будет пытаться разработать теорию экономической политики и новую теорию благосостояния, опирающиеся на институционально-эволюционные представления. Экономике нужно воспринимать индивидуальные, групповые и общественные ценности равнозначными и не смотреть на государство как на внешнюю помеху или "ночного сторожа". Государство выполняет важную функцию организации качества жизни. Можно уверенно констатировать, что высокий уровень социального благополучия просто недостижим при слабом государственном секторе.

5. Для подъёма российской экономики понадобится спроектировать эффективные институты оценки, без которых не сработает ни один самый продуктивный вариант экономической политики и не произойдёт ожидаемого притока инвестиций. Главная проблема состоит в том, как в условиях масштабной девиации моделей поведения настроить эффективные институты оценки и согласовать их с задачами экономической политики, которые часто вступают в противоречие с данными институтами. Видимо, нужно ориентировать экономическую политику на преодоление дисфункциональных состояний, чтобы вернуть институтам понимание целей, чётко обозначить область приложения усилий – для хозяйствующих субъектов, восполнить функциональный потенциал, обеспечив при этом низкие издержки транзакций и достаточный уровень монетарного обеспечения, а также устойчивость к непреднамеренным негативным изменениям.